

Дмитрий Бегичев

Семейство Холмских.

Часть пятая

Дмитрий Бегичев

Семейство Холмских. Часть пятая

«Public Domain»

1841

Бегичев Д. Н.

Семейство Холмских. Часть пятая / Д. Н. Бегичев — «Public Domain», 1841

«На другой день послѣ прїѣзда въ Москву, Свіяжская позвала Софью къ себѣ въ комнату. „Мы сегодня, послѣ обѣда, ѣдемъ съ тобою въ Пріютово,“ – сказала она – „только, я должна предупредить тебя, другъ мой – совсѣмъ не на-радость. Аглаевъ былъ здѣсь для полученія наслѣдства, послѣ умершаго своего дяди, и – все, что ему досталось, проигралъ и промоталъ, попалъ въ шайку развратныхъ игроковъ, и вмѣстѣ съ ними высланъ изъ Москвы. Все это знала я еще въ Петербургѣ; но, по просьбѣ Дарьи Петровны, скрывала отъ тебя и отъ жениха твоего, чтобы не разстроить васъ обоихъ преждевременною горестью.“...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

© Бегичев Д. Н., 1841

© Public Domain, 1841

Содержание

Глава I	5
Глава II	11
Глава III	14
Глава IV	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Дмитрий Никитич Бегичев

Семейство Холмских. Часть пятая

Нѣкоторыя черты нравовъ и образа жизни, семейной и одинокой, русскихъ дворянъ

"Une morale sèche apporte de l'ennui,

"Le conte fait passer le précepte avec lui.

Lafontaine

«Скучно сухое правоученіе, но въ сказкѣ охотно его выслушиваютъ.»

Лафонтенъ.

Глава I

Les apparences mêmes sont au nombre des devoirs d'une femme.

J. J. Rousseux.

Самыя внѣшности входятъ въ число обязанностей женщины.

Ж. Ж. Руссо.

На другой день послѣ приѣзда въ Москву, Свіяжская позвала Софью къ себѣ въ комнату. «Мы сегодня, послѣ обѣда, ѣдемъ съ тобою въ Пріютово,» – сказала она – «только, я должна предупредить тебя, другъ мой – совсѣмъ не на-радость. Аглаевъ былъ здѣсь для полученія наслѣдства, послѣ умершаго своего дяди, и – все, что ему досталось, проигралъ и промоталъ, попалъ въ шайку развратныхъ игроковъ, и вмѣстѣ съ ними высланъ изъ Москвы. Все это знала я еще въ Петербургѣ; но, по просьбѣ Дарьи Петровны, скрывала отъ тебя и отъ жениха твоего, чтобы не разстроить васъ обоихъ преждевременною горестью.»

– Боже мой! какое несчастье! – сказала Софья, залившись слезами. – Я не могу безъ ужаса вспомнить о Катинѣ – каково ей бедной!..

"Она еще ничего не знаетъ," – продолжала Свіяжская – "отъ нея все скрыто, но и теперешнее поведеніе мужа убиваетъ ее. Онъ почти никогда не бываетъ дома, безпрестанно у одного сосѣда своего, Змѣйкина – этого изверга, который вовлекъ его во все дурное, обыгралъ, или просто ограбилъ его, и вмѣстѣ съ нимъ высланъ изъ Москвы. Маменьку твою извѣстіе о проказахъ и высылкѣ Аглаева изъ Москвы поразило до такой степени, что она занемогла. Теперь, благодаря Бога, все прошло. Я получила здѣсь отъ нея письмо, которое ты можешь прочесть, и увидѣть, что она совсѣмъ выздоровѣла."

Письмо Холмской заключало въ себѣ нѣсколько строкъ; она увѣдомляла, что ей, слава Богу, лучше, но что она со всѣхъ сторонъ убита горестью и всю надежду свою полагаетъ на Свіяжскую и Софью, убѣждая ихъ поскорѣе приѣхать. Съ тѣмъ вмѣстѣ сообщала она еще новую, совсѣмъ неожиданную непріятность: Князь Рамирскій взялъ въ свое управленіе приданое имѣніе жены, которое онъ, бывши женихомъ обѣщалъ отдать Катеринѣ. Холмская не умѣла постигнуть причины такого поступка. Отъ Аглаева ничего она добиться не могла, а Князь Рамирскій на письмо ея отвѣчалъ, что отъ отобралъ имѣніе за безчестныя и противозаконныя дѣйствія Аглаева. Холмская просила Свіяжскую заѣхать къ Князю Рамирскому и объясниться съ нимъ.

"Поѣдемъ, поскорѣ поѣдемъ, милая тетушка!" сказала Софья, заливаясь горькими слезами. "Бѣдная Катинька! что съ нею будетъ! Она не переживетъ этого горя" Вы скрываете отъ меня – ее вѣрно уже нѣтъ на свѣтѣ?" – Нѣтъ, милый другъ мой! – отвѣчала Свѣжская. – Она жива, и, въ доказательство тебѣ, вотъ письмо ея, которое она писала ко мнѣ, по секрету отъ матери и отъ тебя, чтобы въ теперешнемъ, счастливомъ твоёмъ положеніи не разстроить тебя извѣстіемъ о ея горести. Она сообщаетъ имъ о связи ея мужа съ развратнымъ сосѣдомъ, Змѣйкинымъ, у котораго онъ бываетъ ежедневно. Аглаевъ совсѣмъ кинулъ ее и дѣтей своихъ. Единственное средство спасти его, какъ она пишетъ, состоитъ въ томъ, что-бы отдалить отъ Змѣйкина. Она убѣдительноше проситъ меня опредѣлить мужа ея къ какому нибудь мѣсту въ Москвѣ. Бѣдная вовсе не знаетъ, что не только никакого мѣста ему здѣсь имѣть нельзя, но что и самый прїѣздъ сюда запрещенъ.

"Слава Богу, что она еще жива; поспѣшимъ къ ней на помощь," отвѣчала Софья. "Можетъ быть, Богъ поможетъ намъ спасти ее. Я отдамъ все мое имѣніе, и подаренные мнѣ Дарьею Петровною брильянты продамъ, для заплаты ихъ долговъ. Маменька такъ добра, что не будетъ сердиться за это на меня; въ Николаѣ Дмитріевичѣ я также увѣрена. Поѣдемъ, поспѣшимъ къ ней, милая тетушка!"

– Я послала уже за лошадьми и велѣла укладываться – отвѣчала Свѣжская. – Вездѣ и во всякомъ случаѣ ты заставляешь болѣе и болѣе любить и уважать тебя, милая, добрая Соничка, дочь сердца моего! – прибавила она, обнимая Софью, со слезами. – Я всегда была увѣрена, что ты готова всѣмъ жертвовать для спокойствія и счастія другихъ; но, милый другъ мой, дѣло теперь не въ денежномъ пособіи: съ этой стороны беспокоиться нѣчего. У вашей маменьки порядочное имѣніе. Она, по всей справедливости, должна отдать послѣ себя все Катеринѣ, потому что другія дочери ея, по милости Божіей, хорошо пристроены. Сверхъ того, и я также имѣю средства помочь, и нарочно для этого послала, сегодня утромъ, размѣнять въ Опекунскомъ Совѣтѣ билетъ. Денегъ возьму съ собою столько, чтобы тотчасъ на первый случай можно было помочь имъ, а тамъ, на мѣстѣ, придумаетъ, какъ устроить всѣ дѣла. Словомъ: съ этой стороны беспокоиться нѣчего. Но какъ и чѣмъ возстановить разрушенное супружеское счастіе и душевное спокойствіе Катиньки? Этого никакими деньгами купить нельзя. Однакожъ, унывать и предаваться бесполезной горести не должно. Поѣдемъ, посмотримъ, придумаемъ; авось, Богъ дастъ, мы поможемъ бѣдной Катинькѣ и въ этомъ важномъ отношеніи. Можетъ быть, сердце мужа ея не совсѣмъ еще развращено; можетъ быть голосъ разсудка и добродѣтели будетъ еще ему понятенъ. *Esperons! le germe du bonheur croit a l'ombre de l'espérance!* (Будемъ надѣяться! сѣмена счастія произрастаютъ въ тѣни надежды) – сказалъ, не помню, какой-то авторъ. – Черезъ нѣсколько часовъ послѣ этого разговора отправились онъ изъ Москвы. Дорога въ Пріютово была мимо самыхъ воротъ дома Князя Рамирскаго. Онъ заѣхали къ нему.

Елисавета встрѣтила ее на крыльцѣ съ распростертыми объятіями отъ души цѣловала она Софью, и поздравляла съ помолвкой; непритворная, истинная радость сіяла на лицѣ ея. Князя Рамирскаго не было дома: онъ находился гдѣ-то по хозяйству. Елисавета тотчасъ послала сказать ему о прїѣздѣ милыхъ гостей. Дочь ея спала въ это время, и на просьбу Софьи показать ее, отвѣчала Елисавета, что она очень гадка, и смотрѣть ее нѣчего, однакожъ повела гостей своихъ въ дѣтскую, гдѣ безъ всякихъ предосторожностей открыла занавѣсъ у дочерниной кровати.

Въ гостиной нашли наши путешественницы Миссъ Клокъ, компаньенку Елисаветы, и еще какого-то, незнакомаго имъ, мужчину. "Рекомендую вамъ сосѣда нашего, Петра Михайловича Жокондова," сказала Елисавета. Свѣжская съ любопытствомъ посмотрѣла на него. Она не была лично съ нимъ знакома, но слыхала объ немъ очень много. Лѣтъ десять назадъ славился онъ въ Москвѣ искусствомъ своимъ прельщать женщинъ, лишилъ репутаціи многихъ, разстроилъ нѣсколько счастливыхъ супружествъ, и вообще извѣстенъ былъ франтовствомъ своимъ, хорошимъ тономъ и нѣсколькими дуелями. Послѣ многихъ исторій въ Москвѣ, онъ куда-то

скрылся, и объ немъ перестали говорить. Такое сосѣдство весьма опасно для легкомысленной и вѣтренной женщины – подумала Свѣжская, и со вздохомъ посмотрѣла на Елисавету.

Жокондовъ, молодой человѣкъ, лѣтъ за сорокъ, былъ еще довольно молодъ по лѣтамъ своимъ. Быстрые, умные глаза его и всѣ черты лица изображали какую-то насмѣшливость. Въ обращеніи его сохранились еще нѣкоторые остатки прежней его любезности; но замѣтно было, что все ему надоѣло. Онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ чужихъ краяхъ; по возвращеніи въ отечество, Московская и Петербургская жизнь, послѣ Парижа, казались ему несносными. При томъ-же, дѣла его были въ большемъ разстройствѣ, и онъ рѣшился прожить нѣсколько лѣтъ въ деревнѣ, которая была въ одной верстѣ отъ Князя Рамирскаго. Сначала долго не ѣздилъ онъ къ Рамирскому, но увидѣвъ однажды Елисавету, въ приходской церкви, плѣнился ею, познакомился съ Княземъ, и съ тѣхъ поръ ежедневно бывалъ у нихъ. Елисаветѣ нравился Жокондовъ хорошимъ тономъ своимъ; онъ жилъ долго въ большемъ свѣтѣ, зналъ множество анекдотовъ, былъ въ чужихъ краяхъ; словомъ, въ глубокомъ уединеніи, съ грубымъ и сумазброднымъ мужемъ, общество Жокондова было чрезвычайно пріятно Елисаветѣ. Какъ человѣкъ опытный; постепенно достигалъ онъ до своей цѣли, и сдѣлался наконецъ необходимымъ для нея; всякій день она сама приглашала его къ себѣ. Частыя посѣщенія сосѣда были весьма непріятны мужу: онъ дурно обходился съ нимъ; но Жокондовъ показывалъ, какъ будто-бы ничего не замѣчаетъ и продолжалъ ежедневныя свои посѣщенія. Елисаветѣ было досадно грубое обращеніе мужа съ Жокондовымъ; это заставляло ее быть еще ласковѣе; часто вмѣстѣ съ нимъ, смѣялась она надъ мужемъ. Но никакая мысль о нарушеніи супружеской вѣрности не входила въ голову Елисаветы, и Жокондовъ, приготовляя постепенно и осторожно торжество свое, еще ни одного слова не говорилъ о любви. Въ этомъ положеніи застали дѣло Свѣжская и Софья. Чтобы не помѣщать откровенному разговору сестеръ, которыя давно не видались, Жокондовъ пошелъ въ садъ, вмѣстѣ съ Миссъ Клокъ.

"Ты, Соничка, совсѣмъ не похожа на неvěсту," – сказала Елисавета, садясь подлѣ нея, когда онѣ возвратились изъ дѣтской въ гостиную. "Что съ тобою сдѣлалось? Ужъ не перессорилась-ли ты съ женихомъ своимъ? Еще рано: будетъ довольно времени, когда выйдешь за мужъ. Или не перебрались-ли вы дорогой съ тетушкою? Вы обѣ такъ способны къ этому – расскажи мнѣ, для рѣдкости, о чемъ дѣло стало у васъ?"

– Удивляюсь твоему вопросу – отвѣчала Софья. Ты сама знаешь положеніе сестры Катерины.

"Знаю, но что-жъ тутъ чрезвычайнаго? Она не очень хороша живетъ съ мужемъ – это очень обыкновенно. Вольно ей принимать все такъ сильно къ сердцу. Не думаешь-ли и ты прожить вѣкъ въ ладу съ будущимъ твоимъ супругомъ? Ты очень ошибешься."

– Не обо мнѣ дѣло. Богу одному извѣстно будущее; однакожь, если-бы я не надѣялась прожить счастливо съ избраннымъ мною человѣкомъ, то, вѣрно, не рѣшилась-бы отдать ему моей руки. Но нельзя не удивляться твоему равнодушію, ежели тебѣ всѣ обстоятельства бѣдной Катиньки извѣстны.

"Какое-жъ чрезвычайное несчастіе съ нею случилось? Я, право, не знаю. Отъ маменьки пріѣзжалъ нарочный къ Князю, съ письмомъ, и порядочно напугалъ меня; но мужъ мой успокоилъ меня на счетъ здоровья маменьки, показавъ надпись на конвертѣ ея руки. Впрочемъ объявилъ онъ мнѣ, что вотъ въ чемъ все дѣло: Аглаевъ употребилъ во зло довѣренность Князя, поступилъ безчестно, и обезславилъ нашу фамилію. Приданая моя деревня дана ему была только въ управленіе, по вѣрющему письму; онъ, при тебѣ и при маменькѣ, обязался честнымъ словомъ никогда не продавать и не закладывать этого имѣнія. Но вмѣсто того, тайно отъ насъ, совершилъ закладную, и Князь увидѣлъ фамилію свою напечатанною въ газетахъ. Послѣ такого безсовѣстнаго поступка, Князь потребовалъ отъ него назадъ вѣрющее письмо, уничтожилъ его, и самъ вошелъ въ управленіе имѣніемъ. – Мнѣ не хочется огорчать добрую старушку, матушку твою, сообщеніемъ ей всѣхъ подробностей – прибавилъ Князь – но обѣщанное мною имѣніе

твое сохранию я для дѣтей Аглаева. Послѣ его смерти, или когда они войдутъ въ совершенный возрастъ, ты можешь передать имъ. – Мнѣ кажется, что Князь поступилъ въ этомъ случаѣ очень справедливо. Лучше сберечь, хотя какой нибудь кусокъ хлѣба дѣтямъ, когда отецъ мотъ и способенъ дѣтей пустить по міру. Можешь сообщить это Катинкѣ, и она вѣрно одобритъ Князя моего."

– Ежели все это справедливо – сказала Свіяжская – то мужъ твой, въ самомъ дѣлѣ, поступилъ очень хорошо. Но на счетъ состоянія Катиньки беспокоиться нѣчего. Это послѣдняя вещь. Дѣти ея не останутся безъ куска хлѣба. Ежели-бы только одно это – бѣда не велика! Сердечныя ея страданія такъ тягостны, что точно надобно всѣмъ, любящимъ ее, изыскивать средства, какъ подкрѣпить и утѣшить ее.

"Да что-жъ такое съ нею случилось?" продолжала Елисавета. "Опять повторяю: ежели она не такъ ладно живетъ съ мужемъ, то это вещь весьма обыкновенная."

– Какъ? Неужели ты не знаешь, что Аглаевъ промоталъ и проигралъ все, что ему досталось послѣ дяди, что онъ высланъ изъ Москвы, и теперь дурно обходится съ женою своею? – Свіяжская рассказала ей всѣ подробности. "Въ первый разъ слышу! Ахъ, Боже мой! Бѣдная Катенька!.. Да ежели-бы я знала прежде, то десять-бы разъ побывала у нея. Съ чрезвычайною ея чувствительностію и слабостью здоровья, не знаю, какъ она перенесла такое горе, какъ еще она жива? Можно-ли! Какъ-же я ничего не знала? Не удивляюсь, что мужъ мой не говорилъ мнѣ ни слова: онъ ненавидитъ Аглаева. Но какъ отъ другихъ не слыхала я ничего? Мы недавно были у брата Алексѣя... И этотъ отвратительный эгоистъ оставилъ сестру безъ помощи! Онъ объ ней не говорилъ мнѣ ни одного слова; даже имя Аглаевыхъ ни разу не было произнесено, во все время, которое мы тамъ пробыли. Поспѣшите, поспѣшите, милая тетушка, на помощь къ ней!" прибавила Елисавета, цѣлуя руки Свіяжской. "Она такъ любитъ и уважаетъ васъ: пріѣзды вашъ и Софьи подкрѣпить ее, дать ей новую жизнь.... Знаете-ли? И я поѣду съ вами."

Въ это время вошелъ Князь Рамирскій; онъ любилъ и уважалъ Софью, былъ радъ ея пріѣзду, и отъ души поздравлялъ съ помолвкою. Вскорѣ послѣ того и Жокондовъ, съ Миссъ Клокъ, возвратились изъ саду. Очень замѣтно было, что присутствіе этого гостя непріятно Князю Рамирскому; онъ не смотрѣлъ на него и не говорилъ съ нимъ ни слова. Продолжать говорить о дѣлахъ семейственныхъ, при постороннемъ челоѣкѣ, было невозможно. Разговоръ начался общій и обыкновенный, о предметахъ ничего незначащихъ. Такимъ образомъ прошелъ весь вечеръ.

Оставшись наединѣ съ Софьею, Свіяжская сообщила ей опасенія свои о послѣдствіяхъ, угрожающихъ Елисаветѣ, отъ короткаго знакомства съ Жокондовымъ. Софья, по невинности своей, при томъ-же бывъ занята мыслями о несчастной сестрѣ, почти не замѣтила даже присутствія Жокондова.

"Какъ жаль" – сказала Свіяжская – "что Елисавета, при всей добротѣ сердца своего, которую она явно доказала, узнавъ о несчастіи сестры, такъ необдумчива и вѣтрена! Какъ она не видитъ всей неприличности и дурныхъ послѣдствій знакомства съ Жокондовымъ, челоѣкомъ, извѣстнымъ по развращенію и безнравственности своей! Завтра-же утромъ буду я имѣть съ него объясненіе, ы постараюсь предостеречь ее."

– Вы конечно хорошо сдѣлаете, и она вамъ будетъ благодарна – отвѣчала Софья. – Только, воля ваша, тетушка, я не смѣю спорить, а мнѣ кажется, что вы напрасно опасаетесь: я увѣрена въ Елисаветѣ, и никакихъ дурныхъ послѣдствій не ожидаю.

"Ты, другъ мой, такъ огорчена несчастіемъ сестры, что ни о чемъ другомъ думать не можешь. Какъ не замѣтила ты, съ какимъ непріятнымъ видомъ смотритъ мужъ ея на этого Жокондова? Я не сомнѣваюсь въ твердости правилъ Елисаветы, но женщина, не имѣющая вниманія за собою, можетъ быть нечувствительно совращена со стези добродѣтели, и постепенно вовлечена въ нарушеніе своихъ обязанностей. Притомъ-же, соблюденіе приличій, и даже самой наружности, есть священный долгъ супруги. Доброе имя, пріобрѣтаемое многими годами,

может уничтожиться въ одну несчастную минуту. Кто знаетъ, можетъ быть, уже и теперь мужъ ея подозрѣваетъ, и есть добрые люди, пользующіеся этимъ случаемъ, чтобы увеличить раздоръ и вражду ихъ между собою?"

– Ахъ, Боже мой! я ничего не сообразила – мнѣ даже въ голову все это не приходило! – отвѣчала Софья. – Какой важный урокъ лично для меня! – Будьте Ангеломъ хранителемъ Елисаветы, милая тетушка! Вамъ предопредѣлено быть истинною благодѣтельницею всего нашего семейства. Самъ Богъ наградитъ васъ. Предостерегите, удержите ее на краю бездны, къ которой она, по неосторожности и вѣтренности своей, такъ близка! Мы пробудемъ здѣсь недолго. Вы объяснитесь съ Елисаветою, а я буду говорить съ мужемъ ея, на счетъ имѣнія, взятаго имъ отъ Аглаевыхъ.

"Объясненіе твое съ нимъ, какъ я думаю, должно заключаться въ томъ, что тебѣ надобно одобрить его поступокъ" – сказала Свѣжская. "Послѣ того, что мы знаемъ объ Аглаевѣ, Князь Рамирскій, точно справедливо поступилъ, взявъ у него имѣніе. Сомнѣваюсь я, чтобы онъ имѣлъ въ виду обезпечить будущее благосостояніе дѣтей Катерины, и вѣрно взялъ онъ имѣніе, просто, по скупости своей. Но тебѣ должно воспользоваться уваженіемъ и привязанностію Князя, и сообщить ему, что ты слышала отъ Елисаветы, поблагодарить за попеченіе о дѣтяхъ Катерины, которыхъ ты поручаешь его великодушію. Ежели онъ повторитъ и тебѣ тоже, что говорилъ женѣ, то послѣ того совѣстно ему будетъ противъ тебя не отдать имѣнія дѣтямъ. Вотъ какъ, я думаю, надобно дѣйствовать съ нимъ."

На другой день, утромъ, расположились онѣ выѣхать тотчасъ послѣ чаю, за тѣмъ, чтобы къ вечеру поспѣть къ Аглаевымъ. Свѣжская встала нарочно поранѣе, имѣя въ виду, свободно, наединѣ, пока не всѣ соберутся, говорить съ Елисаветою. Софью предупредила она, чтобы въ то время, когда будетъ у нея объясненіе съ Елисаветою, взяла-бы она мужа ея въ садъ, и говорила съ нимъ, о чемъ уже онѣ условились.

Елисавета пришла къ Свѣжской въ дурномъ нравѣ и съ головою болью. Она съ вечера сообщила мужу желаніе свое ѣхать къ Аглаевымъ, а онъ, по скупости своей, опасаясь, что Елисавета, для пособія имъ, готова будетъ отдать брильянты свои, рѣшительно не согласился. Слово за слово, вышла жестокая распря. Елисавета настаивала въ намѣреніи непремѣнно ѣхать; мужъ объявилъ, что не даетъ ей лошадей. Она говорила, что уйдетъ пѣшкомъ, а онъ отвѣчалъ, что велитъ связать ей ноги и руки. Кончилось взаимными упреками. Въ заключеніе сцены сдѣлалась съ Елисаветою истерика, а мужъ ея ушелъ спать къ себѣ въ кабинетъ.

Съ нетерпѣніемъ и явнымъ неудовольствіемъ слушала Свѣжскую Елисавета. Предостереженіе не только не сдѣлало никакой пользы, но разсердило ее, и она, въ запальчивости, наговорила Свѣжской много грубостей, объявивъ рѣшительно, что удивляется: по какому праву взялась она дѣлать ей такіе оскорбительные упреки?

"Впрочемъ, ежели-бы я и въ самомъ дѣлѣ была *виновата*, въ чемъ вы, по *дружбѣ* и по *родству*, такъ откровенно объясняете мнѣ подозрѣніе ваше" – сказала съ досадою Елисавета – "то самъ мужъ мой, невѣрностію и поступками своими противъ меня, далъ мнѣ на это все право; онъ возобновилъ прежнюю связь съ гнусною Лезбосовою, хотя клялся мнѣ никогда не видаться съ нею. Жокондовъ добрый и умный человѣкъ; онъ рекомендованъ мнѣ самимъ мужемъ моимъ, и я не понимаю, почему мнѣ лишать себя его пріятнаго общества? Это капризь, и я не уважила-бы такого вздорнаго требованія даже и со стороны самой маменьки; слѣдовательно, тѣмъ менѣе еще прошу вступаться въ мои дѣла людей *постороннихъ*."

Свѣжская хладнокровно выслушала всю эту неприличную и грубую выходку Елисаветы.

"Послушай, мой другъ: кажется, я совѣмъ не посторонняя въ вашемъ семействѣ; я поставила себѣ долгомъ предостеречь тебя, говорила отъ души; и очень сожалею, что ты разсердилась за дружескій совѣтъ. Но я сдѣлала свое дѣло, и еще тебѣ повторяю: остерегись – ты готовишь себѣ большое несчастіе, и послѣ сама согласишься, что я говорила тебѣ правду."

"Благодарю за эту правду. Но, кажется, уже невозможно мнѣ быть несчастливѣе тепершняго!" отвѣчала Елисавета, задыхаясь отъ слезъ. — "Что я переношу и какова моя жизнь — одному Богу извѣстно!" Свѣжская съ состраданіемъ смотрѣла на нее, и не говорила ни слова. Утирая свои слезы, одумавшись и раскаяваясь сама въ грубостяхъ, сказанныхъ Свѣжской, Елисавета просила у нея прощенія и цѣловала ея руки.

Въ это время вошелъ Князь Рамирскій, вмѣстѣ съ Софьею, изъ сада. Принесли самоваръ, и Миссъ Клокъ приступила къ разливанію чая. Всѣ были задумчивы и молчали. Одна Свѣжская сохранила хладнокровіе, и чтобы поддержать кое-какъ разговоръ, обратилась къ Князю Рамирскому, съ вопросами о любимомъ его предметѣ, хозяйствѣ. Вступивъ на эту столь извѣстную ему стезю, Князь разговорился, рассказывалъ всѣ подробности о посѣвѣ и урожаѣ въ разныхъ деревняхъ своихъ. Между тѣмъ карета Свѣжской была подвезена къ крыльцу. Елисавета плакала, и, цѣлуясь съ нею, просила еще разъ, потихоньку, прощенія въ грубостяхъ своихъ. Обнимая Софью, нарочно говорила она съ нею по Англійски, чтобы мужъ ея не могъ понять. Она умоляла ее, тотчасъ по пріѣздѣ къ Аглаевымъ, увѣдомить, въ какомъ положеніи найдетъ она сестру, и что ежели ей нужно пособіе, то она, тайно отъ *тирана* своего, пришлетъ ей всѣ свои брильянты. Мужъ и жена проводили такимъ образомъ гостей своихъ до кареты.

Въ близкомъ разстояніи отъ деревни Князя Рамирскаго встрѣтился имъ Жокондовъ, одѣтый щегольски, ѣдущій въ кабриолетѣ, на парѣ Англійскихъ, красивыхъ лошадей. Онъ спѣшилъ, какъ видно было, на обыкновенное дежурство свое къ Елисаветѣ.

"Всегда, когда вижу я такого необыкновеннаго франта" — сказала Свѣжская — "приходитъ мнѣ въ голову сужденіе, не помню какого-то автора. "Надобно вообразить себѣ," говоритъ онъ, "самаго отличнѣйшаго нашего щеголя, одѣтаго по послѣднему нумеру Парижскаго моднаго журнала — какимъ шуткомъ и уродомъ показался-бы онъ добрымъ Китайцамъ въ Пекинѣ?" Но франтовство этого обветшалаго волокиты, Жокондова, въ сторону, а я опасуюсь, что онъ довершитъ несчастіе доброй, но весьма вѣтренной и взбалмошной нашей Елизаветы. . . . и погубить ее." Свѣжская сообщила Софѣ разговоръ свой съ Елисаветою, сказанныя ею грубости, и раскаяніе о томъ, что она забылась.

— Къ счастью, что вы такъ добры, разсудительны, отвѣчала Софья, и такъ равнодушно перенесли ея грубости. Какъ можно было благонамѣренность вашу и дружескій совѣтъ принять съ такою непріятностію? Но сколько несчастныхъ супружествъ удалось уже мнѣ видѣть — въ особенности-же, примѣръ сестеръ моихъ приводитъ меня въ ужасъ! Какъ тяжела обязанность, которую я на себя принимаю. . . . Почему мнѣ думать, что для меня будетъ исключеніе изъ общаго правила!

"Милый другъ мой," отвѣчала Свѣжская, — ты ежедневно читаешь Священное Писаніе. Вспомни слова: *царствіе небесное нудится*. Это значить, что должно трудиться, для пріобрѣтенія душевнаго спокойствія и счастья призывать Бога въ помощь, усердно молиться, имѣть непрерывное и внимательнейшее наблюденіе за собою, ничего безъ размышленія не дѣлать, смотрѣть на послѣдствія, руководствоваться отличительнымъ преимуществомъ, даннымъ человѣку — здравымъ разсудкомъ. Повѣрь, что большая часть несчастій и огорченій нашихъ происходитъ отъ насъ самихъ, и что величайшій врагъ человѣку — онъ самъ себѣ!"

Глава II

Лафатеръ брался узнавать характеръ каждаго человѣка по почерку его; тѣмъ съ большею достовѣрностію можно опредѣлительно заключить о свойствахъ хозяина и отца семейства по образу его жизни и порядку въ его домѣ.

Неизвѣстный.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ и со слезами на глазахъ приблизились путешественницы наши къ Пріютову. Какая противоположность нынѣшняго пріѣзда ихъ и перваго ихъ посѣщенія! Проѣзжая мимо сада, увидѣли онѣ все въ запущеніи: куртины заросли и заглохли; аллеи были не выметены; вездѣ росли крапива и рѣпейникъ; прекрасная бесѣдка, гдѣ онѣ въ первый пріѣздъ свой пили чай, совсѣмъ завалилась; листья, спавшіе съ деревь на столѣ, бывшій посрединѣ бесѣдки, не были счищены; дерновыя скамьи заросли, любимый Аглаевымъ храмъ Гименея являлся также въ развалинахъ, и гипсовая статуя, бывшая на пьедесталѣ среди храма, отъ дождей пожелтѣла и почти совсѣмъ разсыпалась; заборъ около сада вездѣ обрушился; въ цвѣтникахъ ходили на свободѣ телята. Всѣ строенія, поддержкою которыхъ въ хорошемъ видѣ прежде такъ занимался Аглаевъ, увидѣли онѣ въ совершенномъ упадкѣ. Дождикъ и непріятная сырая погода еще болѣе усиливали грусть.

Никто не вышелъ къ нимъ на крыльцо. Въ лакейской была отвратительная нечистота и тяжелый воздухъ; недогорѣвшіе, сальные огарки валялись по столу и по лавкамъ; немытыя тарелки стояли въ углу; большая дворная собака, отыскивая куски хлѣба и кости, валявшіяся подъ лавками, довершала украшеніе этой комнаты. Изъ служителей нашли тутъ одного только мальчика, въ замаранномъ сюртукѣ, изъ домашняго толстаго сукна: – локти у него были разодраны, лицо неумыто, волосы нерасчесаны; но и этотъ мальчишка преспокойно спалъ на лавкѣ. Залаявшая и бросившаяся въ дверь собака разбудила его. "Дома-ли господа?" – спросила, сквозь слезы, Софья. – Барина нѣтъ дома – отвѣчалъ оторопѣвшій мальчикъ – а барыни, и старая и молодая, дома. – Свіяжская и Софья вошли въ залу. И тутъ были такой-же безпорядокъ и нечистота: оборванные обои висѣли по стѣнамъ, и на потолокѣ видны были слѣды течи, съ полусогнившей тесовой крышки дома; балки нависли до того, что угрожали безпрестанно паденіемъ.

Катерина, предувѣдомленная нянею, увидѣвшею изъ дѣтской, что къ крыльцу подъѣхала карета, думала, что кто нибудь изъ сосѣдей пріѣхалъ навѣститъ ее. Она спѣшила надѣть чепчикъ и платокъ, и встрѣтила гостей въ залѣ. Со слезами бросились обѣ сестры въ объятія другъ друга. Катерина до такой степени похудѣла, была такъ блѣдна, желта, горестъ такъ сильно изнурила ея здоровье, что ее совсѣмъ узнать было невозможно. – "Гдѣ маменька?" спросила Софья, проливая горькія слезы и смотря на сестру. – Она еще послѣ болѣзни своей не совсѣмъ оправилась. Нынѣшнюю ночь худо почивала, и теперь, кажется, уснула. – "Но гдѣ-же твои дѣти? Двухъ меньшихъ я совсѣмъ не знаю." – Ихъ сей часъ приведутъ сюда.

Между тѣмъ, старая Холмская, лежавшая у себя въ комнатѣ, на постелѣ, услышавъ бѣготню и шопотъ въ дѣвичьей, догадалась, что вѣрно пріѣхали уже давно ожидаемые, любезные ея гости, кое-какъ встала съ постели и спѣшила къ нимъ. Поддерживаемая служанкою своею, вошла она въ гостиную. Софья бросилась цѣловать ея руки. Радость матери, при свиданіи съ дочерью, которая одна ей осталась въ утѣшеніе, была чрезмѣрна. Старушка упала въ обморокъ. Софья испугалась; всѣ бросились помогать ей; она скоро опаматовалась.

"Что вы, маменька? Какъ себя чувствуете?" спрашивала Софья, цѣлуя ее. – Ничего, мой другъ, все прошло; радость видѣть тебя и твою благодѣтельницу оживила меня; я чувствую себя очень хорошо – отвѣчала Холмская, цѣлуя и прижимая Софью въ своихъ объятіяхъ.

– Это ты? Тебя я обнимаю, другъ мой, утѣшеніе мое, милая, добрая дочь моя? – продолжала Холмская. – Богъ еще былъ столько милостивъ, что далъ мнѣ дожить до радости видѣть тебя невѣстою и благословить тебя! Ты вѣрно будешь счастлива. Богъ наградить тебя, почтительная дочь и добрая родная! вѣрно будешь ты благополучною женою и счастливою матерью семейства. Дай мнѣ еще разцѣловать тебя, наглядѣться на тебя. Мы такъ давно не видались, милая моя Соничка, другъ мой, счастье, утѣшеніе мое! – При каждомъ словѣ она снова цѣловала Софью, и слезы радости текли изъ глазъ старушки. – А тебя, мой другъ, Прасковья Васильевна, я не знаю, какъ и благодарить. Но Богъ видитъ мое сердце: Онъ наградить тебя за все, что ты сдѣлала для моей Сонички! – сказала Холмская, обращаясь къ Свѣжской и бросившись цѣловать ее.

"Полно, полно!" отвѣчала Свѣжская. "Я, конечно, люблю Соничку выше всего въ мірѣ, но въ сватовствѣ ея и помолвкѣ я нисколько не участвовала. И сынъ и мать, оба страстно въ нее влюбились, и такъ скоро, такъ неожиданно все совершилось, что не дали намъ съ нею опомниться. Я расскажу тебѣ послѣ всѣ подробности. Такой страшной, но вмѣстѣ съ тѣмъ такой добродѣтельной женщины, какъ будущая твоя сватья, рѣдко найти можно. Съ Николаемъ Дмитріевичемъ ты давно знакома, слѣдовательно, хвалить его и говорить объ немъ нѣчего. Но мы, по старинной привычкѣ, ляжемъ спать въ одной комнатѣ; я все тебѣ расскажу, а теперь совѣтовала-бы я тебѣ принять Гофманскихъ капель и лечь на диванъ, а мы подлѣ тебя посидимъ. Посмотри на себя, какъ ты перемѣнилась и похудѣла!" – Софья побѣжала тотчасъ за каплями и за подушками. Въ дѣвичей обступили ее съ поздравленіями; она со всѣми перецѣловалась. Между тѣмъ Катерина послала за мужемъ своимъ къ Змѣйкину, и велѣла подавать самоваръ. Дѣтей ея нянюшка успѣла нарядить въ праздничное платье, и они введены были въ гостиную.

Крестница Софьи, Соничка, уже давно съ удовольствіемъ ожидала ее. Няня всякій день твердила, что крестная маменька привезетъ *гостинцевъ*; она очень обрадовалась, когда ей сказали, что на-конецъ эта крестная маменька пріѣхала, и потому подошла она къ Софѣ безъ всякаго упрямства и застѣнчивости. Но двое меньшихъ дѣтей мальчики, Ѳединька и Петруша, очень рѣдко выдавшіе постороннихъ, заревѣли во все горло, когда Софья подошла цѣловать ихъ. Насилу могли ихъ унять, и велѣли поскорѣе принести изъ кареты игрушки, привезенныя Софьею изъ Петербурга; всѣхъ дѣтей вывели въ залу; но и тамъ ревенье нѣсколько разъ возобновлялось; старшая сестра обижала братьевъ, отнимала игрушки, не смотря на то, что ей подарила Софья вдвое больше и лучше. Катерина должна была нѣсколько разъ выходить въ залу, унимать и мирить.

Холмская ожила при свиданіи съ Софьею и Свѣжскою. Еще нѣсколько разъ принималась она со слезами радости, цѣловать ихъ. Время нечувствительно шло въ разсказахъ о Петербургской жизни, о помолвкѣ Софьи, о женихѣ ея, также и о странностяхъ Дарьи Петровны Пронской. Одна только бѣдная Катерина не могла принять полного участія въ общей радости: она безпрестанно смотрѣла въ окно, прислушивалась къ каждому стуку, и была въ большомъ безпокойствѣ, что мужъ ея не ѣдетъ. Такимъ образомъ ожидала она до 10 часовъ. Наконецъ, насилу удерживая слезы свои, сказала: Видно Петръ Ѳедоровичъ не будетъ сегодня; что нибудь остановило его, а вы устали съ дороги; я велю подавать ужинать. – Да, видно, что онъ не будетъ – отвѣчала со вздохомъ Холмская. – Но что твой пьяница поваръ? Въ состояніи-ли былъ онъ изготовить ужинъ? – "Я его упрасивала давно, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, на то время, когда пріѣдутъ тетушка и сестра, удержался отъ пьянства. Онъ отвѣчалъ, что для доброй барышни Софьи Васильевны готовъ въ огонь и въ воду, и далъ слово не пить въ это время. Онъ приходилъ ко мнѣ спрашивать о кушаньѣ, не былъ пьянъ – авось удержится." Еще около часа просидѣли въ гостиной послѣ ужина; но Аглаевъ не возвращался домой, и всѣ разошлись спать. Оставшись наединѣ съ сестрою, Софья начала было откровенно разговаривать съ нею объ ея положеніи; но Аннушка, горничная ея дѣвушка, вошла съ веселымъ видомъ, и подала письма, полученныя съ нарочнымъ изъ Москвы, отъ управляющаго Свѣжской. Аннушка знала, что

письма были отъ жениха Софьи, и спѣшила обрадовать барышню, но они заключали въ себѣ весьма непріятныя извѣстія. Пронскій писалъ съ отчаяніемъ, что сильная болѣзнь мачихи, случившаяся наканунѣ самага отъѣзда, остановила ихъ. Жизнь ея была въ опасности: теперь, прибавлялъ онъ, слава Богу, ей получше, и можно надѣяться черезъ нѣсколько дней выѣхать. Сама Пронская, чтобы успокоить Софью, прислала своею рукою нѣсколько словъ, но по почерку замѣтно было, что она еще очень слаба. Все это чрезвычайно огорчило Софью. Кромѣ того, что болѣзнь Пронской отдаляла время свиданія съ женихомъ (а привязанности своей къ нему она уже не находила причинъ скрывать), въ продолженіе сего времени она полюбила и самую Пронскую, какъ мать. Извѣстіе о болѣзни ея сильно растрожило Софью, и она не могла удержать слезъ своихъ.

Катерина, вмѣсто того, чтобы утѣшать сестру, сама съ нею плакала. Нервы ея до такой степени были разстроены, что малѣйшее безпокойство, или огорченіе, приводило ее въ слезы и истерику. Съ нею сдѣлался сильный истерическій припадокъ, и потомъ обморокъ. Софья забыла свое горе. Помогала сестрѣ, насилу, съ пособіемъ горничныхъ, привела ее въ чувство, и тотчасъ послѣ того, упрости ее, чтобы она легла въ постелю и успокоилась, ушла къ себѣ въ комнату.

Между тѣмъ, объ старушки, Холмская и Свіяжская, не зная, что происходило въ комнатѣ Катерины, разговаривали между собою. Свіяжской хотѣлось знать, за что былъ высланъ Аглаевъ изъ Москвы, какъ онъ теперь живетъ съ женою и какое именно пособіе должно имъ сдѣлать, пока, на первый случай. Похожденія Аглаева мы расскажемъ въ слѣдующихъ главахъ.

Глава III

Intrigue, astuce et audace – moyens de succes infaillibles au temps, ou nous vivons.

Joue.

Проньрство, коварство и наглость – самыя дѣйствительныя средства успѣховъ въ наше время.

Жуи.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Софьи въ Петербургъ, Аглаевъ получилъ извѣстіе отъ Г-на Фрипоненкова, стряпчачаго дяди его, что дядюшка наконецъ умеръ, и что хотя, *какъ говорятъ*, духовная сдѣлана точно въ пользу Лукавиной, но это еще невѣрно; притомъ-же, родовымъ имѣніемъ покойникъ располагать не имѣлъ права, и что въ слѣдствіе всего этого, Аглаевъ долженъ поспѣшить въ Москву, за тѣмъ, что – *можетъ быть* – въ духовной ничего не сказано о большомъ денежномъ капиталѣ, оставшемся послѣ его дяди, и Лукавина, *можетъ быть*, не успѣла всего захватить себѣ. Пока-же, до пріѣзда, Фрипоненковъ совѣтовалъ отправить прямо въ судъ, по почтѣ, изъ уѣзднаго города, просьбу, написанную уже набѣло, приложенную къ письму Фрипоненкова, и состоящую въ томъ, что Аглаевъ настоящій, законный и единственный наслѣдникъ.

Разумѣется, получивъ такое извѣстіе, Аглаевъ въ нѣсколько часовъ собрался, поѣхалъ, скакалъ день и ночь, и въ самое короткое время явился въ Москвѣ. Дорогою придумывалъ онъ, какія лучшія средства принять ему противъ тетушки Лукавиной? Онъ рѣшился взять на отвагу, прямо въѣхать на дворъ къ покойнику, вступить въ управленіе, какъ слѣдуетъ законному наслѣднику, и начать тѣмъ, что выгнать тетушку вонъ изъ дома.

Исполняя намѣреніе свое, Аглаевъ пріѣхалъ, прямо отъ заставы, въ домъ покойнаго дяди, явился внезапно, безъ доклада, въ комнату Лукавиной, и началъ было повелительнымъ тономъ говорить ей, что она должна выѣхать вонъ изъ дома, принадлежащаго ему, какъ наслѣднику. Но Аглаевъ очень ошибся въ ожиданіи своемъ. Тетушка была уже приготовлена къ такой сценѣ, ни мало не смѣшалась, и отвѣчала ему, чтобы онъ самъ сей часъ вышелъ вонъ изъ ея дома, или она призоветъ Полицію. Къ этому присоединила тетушка, въ утѣшеніе Аглаева, что дядя рѣшительно ничего ему не оставилъ, а передалъ ей все движимое и недвижимое имѣніе свое, по духовному завѣщанію, которое уже *утверждено законнымъ порядкомъ*.

Такое *утѣшительное* извѣстіе, и рѣшительный тонъ тетушки, поразили Аглаева. Онъ понизилъ голосъ, и, сказавъ сквозь зубы, что будетъ отыскивать право свое и опровергать духовную законнымъ порядкомъ, долженъ былъ отправиться назадъ въ свою дорожную коляску. Денегъ съ нимъ было весьма немного, жить въ трактирѣ не имѣлъ онъ способа, и, по необходимости, велѣлъ ѣхать къ дядѣ своему Аристофанову. Онъ успѣлъ только спросить о доброжелательномъ ему каммердинерѣ покойнаго дядюшки. Ему сказали, что еще при жизни покойнаго, тетушка Лукавина отправила этого доброжелателя, съ большимъ жалованьемъ, въ прикащики, въ дальнюю степную деревню.

Аглаевъ не засталъ Аристофанова дома, поскорѣе переодѣлся и тотчасъ отправился къ любезному корреспонденту своему, извѣстившему его о смерти дядюшки, то есть – попалъ прямо въ западню, поставленную симъ мошенникомъ, какъ-то въ послѣдствіи откроется. Фрипоненковъ принялъ его съ величайшею вѣжливостію, не зная гдѣ лучше и спокойнѣе посадить, тотчасъ предложилъ свои услуги, и просилъ приказывать и распоряжаться имъ въ полной мѣрѣ. Аглаевъ сообщилъ ему разговоръ свой съ тетушкою Лукавиною.

"Какъ можно!" вскричалъ Фрипоненковъ, съ негодованіемъ. – "Ежели и дѣйствительно совершена духовная въ ея пользу, то ей еще нѣкогда было предъявить и взойти въ управленіе.

Это вздор! Она хотѣла напугать васъ. Позвольте, я къ ней съѣзжу; пусть она покажетъ духовную; я все выведу наружу. Усердіе мое и преданность къ вамъ придадутъ мнѣ силы. Повѣрьте, почтенный Петръ Ѳедоровичъ, что я оправдаю вашу довѣренность, и на самомъ дѣлѣ докажу, какъ я васъ уважаю, люблю, и какъ я преданъ вамъ." Фрипоненковъ наговорилъ множество подобныхъ словъ; увѣрялъ, что готовъ въ огонь и въ воду, что онъ человѣкъ безкорыстный, и проч., что обыкновенно говорятъ плуты обреченной своей жертвѣ.

Аглаевъ всему повѣрилъ; былъ въ восторгѣ отъ необыкновенныхъ добродѣтелей Фрипоненкова; уполномочилъ его хлопотать, и обнадежилъ въ своей признательности.

Въ тотъ-же день явился Фрипоненковъ къ Аглаеву, съ печальнымъ лицомъ. – "Вообразите, Петръ Ѳедоровичъ," – сказалъ онъ – "вѣдь духовная сдѣлана, въ самомъ дѣлѣ, въ пользу вашей тетушки; она успѣла предъявить ее; все кончено – она введена во владѣніе законнымъ порядкомъ." – Какъ? Но вы мнѣ сами говорили, что на родовое имѣніе дѣлать духовной нельзя? – "Точно, да открывается, что родоваго имѣнія очень немного, и у нея векселей на покойнаго вашего дядюшку вдвое болѣе, чѣмъ оно стоитъ.... Какое безстыдство!" продолжалъ Фрипоненковъ – "Какая наглость! какое беззаконіе! Совсѣмъ, можно сказать, посторонней женщинѣ, воспользоваться болѣзненнымъ состояніемъ старика, выжившаго изъ ума, похитить чужое имѣніе, ограбить законнаго наслѣдника! Послѣднія времена пришли! Повѣрьте, что я, завлеченный усердіемъ моимъ и преданностію къ вамъ, все это говорилъ ей въ глаза; но она взбѣсилась, и хотѣла было позвать людей и выгнать меня изъ дому. Я ей докажу однакожь – унывать не должно.... Надобно подать просьбу, и начать настоящее тяжбное дѣло. Еще мы посмотримъ: не подложная-ли духовная!.."

Аглаевъ не зналъ, какія найдти выраженія, для изъясненія благодарности.

"Дайте мнѣ вѣрующее письмо, и я тотчасъ начну хлопотать," сказалъ Фрипоненковъ. – "Но, почтеннѣйшій Петръ Ѳедоровичъ, вы должны это знать – дѣло весьма важное: слыш-комъ три тысячи душъ, и, можетъ быть, болѣе милліона денегъ. Вы можете вообразить, что она ничего не пожалѣетъ. Вамъ также надобно приготовиться къ большимъ пожертвованіямъ. Впрочемъ, вся справедливость на вашей сторонѣ, и и навѣрное отвѣчаю вамъ головою моею, что вы дѣло выиграете – жалѣть нѣчего!.."

– Все такъ, любезный мой Осипъ Гавриловичъ – отвѣчалъ Аглаевъ. – Но откуда мнѣ взять денегъ? имѣніе у меня небольшое, и я много долженъ; повѣрить-ли мнѣ кто нибудь, въ ожиданіи будущихъ благъ, пока я выиграю дѣло?

"Ежели такъ," отвѣчалъ Фрипоненковъ, показывая видъ, что онъ увлеченъ усердіемъ своимъ къ Аглаеву – "я готовъ послѣднимъ, что имѣю, жертвовать для васъ. Беру всѣ хлопоты и издержки на себя – что будетъ, то будетъ! Мнѣ Богъ поможетъ защитить невиннаго. При томъ-же я увѣренъ, что вы не оставите меня, и ежели выиграете дѣло, то – вознаградите мои убытки."

Аглаевъ бросился цѣловать его, и, въ первомъ движеніи, схвативъ перо и бумагу, далъ подписку, что онъ поручаетъ ему имѣть ходатайство, по дѣлу о наслѣдствѣ послѣ покойнаго дяди, и, въ случаѣ успѣха, обязывается заплатить ему двадцать тысячъ рублей,

Фрипоненковъ положилъ подписку Аглаева въ карманъ и простился съ нимъ, обѣщаясь съ завтрашняго-же дня приступить къ дѣлу.

Вскорѣ послѣ того Аристофановъ возвратился домой; по прежнему наговорилъ онъ много привѣтствій Аглаеву, благодарилъ, что онъ остановился у него въ домѣ, рассказывалъ о подвигахъ своихъ, также по прежнему часто задыхался, кашлялъ, и Аглаевъ съ горестію увѣрился, что дядюшка его сдѣлался еще смѣшнѣе, чѣмъ былъ прежде

Оба удивлялись, и были въ восторгѣ отъ поступковъ столь необыкновеннаго чудеснѣйшаго и добрѣйшаго Фрипоненкова, который совершилъ свое обѣщаніе. На другой день, утромъ, онъ явился къ Аглаеву-же съ написаннымъ уже набѣло вѣрующимъ письмомъ и заготовленною имъ просьбою на Лукавину.

"Я вчера такъ былъ возстановленъ противъ нея" – сказали Фрипоненковъ – "что не могъ успокоиться, пока не написалъ просьбы; цѣлую ночь трудился, и кажется, ничего не упустилъ къ изобличенію въ ложномъ поступкѣ." Онъ прочелъ въ слухъ просьбу, въ которой такъ ясно выведены были всѣ обстоятельства, такъ хорошо изъяснено подозрѣніе въ подложности духовной, что всякій другой, немного поопытнѣе Аглаева и поразсудительнѣе Аристофанова, долженъ-бы усомниться въ Фрипоненковѣ, который не могъ еще, не имѣя въ рукахъ духовной, знать до такой степени всѣ подробности.

"Послушайте однакожъ, почтеннѣйшій Петръ Ѳедоровичъ," сказалъ Фрипоненковъ. "Не смотря на то, что вся справедливость на вашей сторонѣ, и что подложность духовной очевидна, со всѣмъ тѣмъ однакожъ, до благонамѣренности моей и по усердію къ вамъ, я совѣтоваль-бы, ежели тетушка согласится на мировую, то – лучше не начинать дѣла."

– И конечно: онъ говоритъ правду – сказалъ Аристофановъ. – Процессъ, Богъ знаетъ сколько времени протянется, и, можетъ быть, не въ твою пользу рѣшится, а ежели тетушка согласна будетъ помириться, то это гораздо лучше.

"Я во всемъ полагаюсь на васъ, любезный Осипъ Гавриловичъ" – отвѣчалъ Аглаевъ. – "Вы на самомъ опытъ доказали мнѣ благонамѣренность вашу. Я имѣю полную довѣренность къ вамъ, и какъ вы мнѣ скажете, я на все согласенъ."

"О! въ этомъ положитесь на меня; я вашихъ интересовъ не упущу изъ виду, и такъ буду дѣйствовать, чтобы тетушка сама предложила мировую. Вѣрющее письмо можно будетъ послѣ сдѣлать, а теперь вы еще сами прочитайте со вниманіемъ сочиненную мною просьбу, и, ежели одобрите, то и подпишите, а я сегодня-же подамъ. У нея въ судѣ много знакомыхъ; она черезъ нѣсколько часовъ будетъ читать и – посмотримъ, что она скажетъ!" – Аглаевъ прочиталъ и подписалъ просьбу. Фрипоненковъ тотчасъ уѣхалъ.

Между тѣмъ Аристофановъ выбрился, умылся, притерся спиртами, одѣлся, и сталъ молодецъ хоть куда. Онъ приглашалъ Аглаева ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Англійскій Клубъ, но тотъ отказался, и поѣхалъ къ Радушину.

Радушнымъ принять былъ онъ съ тою-же привѣтливостію и съ тѣмъ-же доброжелательствомъ, какъ прежде. Старикъ выслушалъ до конца разсказъ Аглаева о дѣлѣ его съ Лукавиною и о необыкновенныхъ подвигахъ чудеснаго Фрипоненкова; потомъ, покачавъ головою, сказалъ: "Послушайте, любезный Петръ Ѳедоровичъ: все это что-то странно, и предложенія и дѣйствія г. Фрипоненкова весьма двусмысленны. Нѣтъ-ли во всемъ этомъ какого нибудь утонченнаго плутовства? Будьте осторожны. Какъ – человекъ совсѣмъ почти вамъ незнакомый, столь усердно и безкорыстно, берется за ваше дѣло? Это что-то непостижимо! Послушайтесь меня: будьте осторожны; дайте мнѣ время справиться; у меня есть знакомые, и я узнаю, въ какомъ положеніи ваше дѣло, и что за человекъ этотъ Фрипоненковъ?"

Аглаевъ обѣдалъ и пробылъ почти весь день у Радушина; возвратясь вечеромъ домой, онъ нашелъ уже у себя Фрипоненкова – "Вотъ видите-ли, что я отгадалъ?" были первыя слова его. – "Просьба наша произвела свое дѣйствіе, и такъ напугала вашу тетушку, что она тотчасъ прислала ко мнѣ своего повѣреннаго, преестественнаго плута. Онъ началъ мнѣ говорить всякій вздоръ, но видя, что сбить меня нельзя, отважился было подкупать меня, и я такъ взбѣсился, что выгналъ его взащей. Послѣ того тетушка ваша прислала звать меня къ себѣ, и убѣждала, чтобы я постарался окончить дѣло, и склонить васъ на мировую. Я прежде, какъ будто нарочно, не соглашался, наконецъ обѣщалъ поговорить вамъ. Ну, теперь, какъ вы хотите! Конечно, – еще повторяю, что вся справедливость на вашей сторонѣ; но, ежели вамъ угодно меня слушаться, то я совѣтоваль-бы вамъ лучше помириться, только не вдругъ поддавайтесь, и меньше 300 т. деньгами и родовой вашей подмосковной деревни отнюдь не соглашайтесь."

Фрипоненковъ распространился въ доказательствахъ, что ежели продолжать дѣло, то совершенно на успѣхъ полагаться никакъ нельзя. Онъ объяснялъ, что тетушка можетъ предпринять, и чѣмъ можетъ утвердить за собою принадлежность – словомъ: такъ убѣдилъ и разу-

вѣрилъ онъ Аглаева, что тотъ началъ уже совсѣмъ въ другомъ видѣ смотрѣть на свое дѣло, и, не взирая на предостереженія Радушина, готовъ былъ тотчасъ помириться, взявъ гораздо менѣе трехъ сотъ тысячъ рублей.

Аристофановъ, возвратясь домой, засталъ велерѣчиваго Фрипоненкова, и также убѣжденный его доказательствами, совѣтовалъ Аглаеву поскорѣе мириться. По отъѣздѣ Фрипоненкова, Аристофановъ сообщилъ Аглаеву, что видѣлъ въ Клубѣ Змѣйкина, который очень обрадовался, узнавъ о пріѣздѣ его, и хотѣлъ самъ быть у нихъ завтрашній день. – "Знаю, чему онъ обрадовался," отвѣчалъ Аглаевъ. "Я ему долженъ три тысячи по игрѣ, и онъ нѣсколько разъ писалъ ко мнѣ объ уплатѣ. Теперь, слава Богу, можетъ быть, я буду имѣть средства расквитаться, и окончить навсегда связь и знакомство мое съ нимъ!" – Почему это? – спросилъ Аристофановъ. – Змѣикинъ очень добрый малый; онъ нѣсколько разъ говорилъ мнѣ, что любитъ тебя, и что вы были съ нимъ друзьями еще въ Пансіонѣ. – "Да, я совсѣмъ не охотникъ до такихъ друзей." – Какой вздоръ! Какіе предрасудки! – "Онъ играетъ въ карты, и, иные говорятъ, *навѣрное*." – Что за бѣда? Не играй съ нимъ, а впрочемъ повѣрь, что, право, онъ добрый и прекрасный малый. – Аглаевъ зналъ бесполезность далѣе говорить съ дядей, и замолчалъ.

На другой день получилъ онъ записку отъ тетушки Лукавиной; она приглашала пожаловать къ ней въ 10 часовъ утра.

– Вотъ, видите-ли, что я отгадалъ? – сказалъ Фрипоненковъ, узнавъ объ этомъ.

– Поѣзжайте, но только, смотрите – будьте тверды, и никакъ менѣе 300 т. и подмосковной не берите. Да, нѣтъ: я боюсь – она собьетъ васъ; вы поддадитесь ей; лучше я самъ съ вами поѣду!

Тетушка Лукавина показала видъ, что она недовольна пріѣздомъ Фрипоненкова. Ея повѣренный, другой такой-же плутъ, былъ уже у нея.

"Какъ добрая ваша родня, я не хочу заводить тяжбы и дѣлать непріятной гласности," сказала Лукавина. "Очень желаю помириться, и предлагаю вамъ 100 т. рублей, съ тѣмъ, чтобы вы подписали вотъ эту, уже приготовленную мировую." Она подала ему бумагу.

– Какъ 100 т.? – вскричалъ съ досадою Фрипоненковъ. – Помилуйте, Матрена Лаврентьевна, какъ вамъ не стыдно дѣлать такое предложеніе? Да вы прочитайте только со вниманіемъ поданную на васъ просьбу. Петръ Ѳедоровичъ настоящій и законный наслѣдникъ; мы опровергаемъ духовную, опорочиваемъ заемныя письма, и все, рѣшительно все отберемъ у васъ!

"А вамъ какое дѣло вмѣшиваться въ разговоръ родныхъ между собою? Я васъ не знаю М. Г. и говорить съ вами не хочу."

– Я, сударыня, уполномоченъ отъ Петра Ѳедоровича законною довѣренностію, защищаю его интересы, и не позволю вамъ притѣснять его.

Лукавина начала говорить дерзскія грубости; Фрипоненковъ отвѣчалъ тѣмъ-же; повѣренный Лукавиной также присоединился къ нимъ; всѣ кричали, бранились говорили другъ другу колкости, и съ полчаса продолжалась шумная *мистификація* Аглаева, такъ, что онъ не имѣлъ времени сказать ни одного слова, и только восхищался необыкновенными добродѣтелями своего защитника.

Наконецъ шумъ по немногу сталъ утихать. Фрипоненковъ смягчился, и, самовольно, не спросясь Аглаева, въ собственномъ его присутствіи, рѣшился помириться за него съ Лукавиною на 200 т. рублей. Аглаевъ былъ въ восторгъ; онъ и этого благополучія не ожидалъ, послѣ всего, что наговорилъ ему наканунѣ Фрипоненковъ.

"Подпишите-же Петръ Ѳедоровичъ мировую," сказала, Лукавина, подавая бумагу – "а я поѣду за деньгами." – Позвольте мнѣ прежде прочитать эту бумагу – сказалъ Фрипоненковъ, и, не ожидая позволенія, взялъ ее. – Ну, это хорошо, дѣльно, на законномъ основаніи написано; это можете вы подписать – говорилъ онъ, читая бумагу, и потомъ отдалъ ее Аглаеву. Повѣренный Лукавиной тотчасъ пододвинулъ креслы и подаль перо. Между тѣмъ тетушка вошла въ комнату, съ ужасною кипю ассигнацій. Благонамѣренность Фрипоненкова такъ была явна,

притомъ-же взглядъ на деньги былъ столь очарователенъ, что Аглаевъ подписалъ данную ему бумагу, совсѣмъ не читая.

"Вотъ деньги, любезный роденька," сказала Лукавина. – "Я очень рада, что все хорошо между нами кончилось. Вы не можете повѣрить, какъ мнѣ было грустно и непріятно начинать съ вами процессъ. Я всегда любила васъ, еще съ малолѣтства вашего." При этихъ словахъ она протянула руку, чтобы взять къ себѣ бумагу, подписанную Аглаевымъ; Фрипоненковъ очень искусно предупредилъ ее, выхватилъ бумагу у Аглаева, и держалъ ее у себя.

"Позвольте пересчитать деньги," сказалъ онъ. "Послушайтесь меня, почтеннѣйшій Петръ Ѳедоровичъ; я опытенъ васъ; никогда не принимайте и не отдавайте денегъ безъ счета. Садитесь, давайте вмѣстѣ считать!" Онъ положилъ мировую подлѣ себя, взялъ нѣсколько десятитысячныхъ кипъ ассигнацій, отложилъ тоже Аглаеву, и оба начали счетъ. Окончивъ свое дѣло, Фрипоненковъ подалъ мировую Лукавиной, вынулъ изъ кармана записку, данную ему Аглаевымъ наканунѣ, отложилъ себѣ двѣ десяти-тысячныя кипы, завязалъ ихъ въ свой платокъ, и отдалъ Аглаеву записку. Такъ все проворно и искусно сдѣлалъ онъ, что Аглаевъ не успѣлъ опомниться. Впрочемъ, 18-ть десятитысячныхъ кипъ, оставшихся въ его владѣніи, имѣли большую прелесть, и Аглаевъ смотрѣлъ на нихъ съ восхищеніемъ.

"Ну, теперь позвольте поздравить васъ съ благополучнымъ окончаніемъ вашего дѣла," сказалъ Фрипоненковъ. Не худо-бы и выпить за ваше здоровье, почтенная Матрена Лаврентьевна."

– Сей часъ велю подать. А ты – продолжала Лукавина, обращаясь къ своему повѣренному – что-жъ мѣшкаешь? Поѣзжай въ судъ; надобно мировую предъявить. Я не знаю, какъ это водится. Вѣрно, Петру Ѳедоровичу надобно еще гдѣ нибудь расписаться или подтвердить, что онъ подписалъ. Вамъ, Осипъ Гавриловичъ, лучше это извѣстно.

"Еще время терпитъ," отвѣчалъ Фрипоненковъ. "И на что теперь затруднять Петра Ѳедоровича; я дамъ ему знать, когда всѣ бумаги будутъ готовы." Повѣренный Лукавиной уѣхалъ, и вскорѣ послѣ того подали завтракъ. Фрипоненковъ поздравлялъ съ благополучнымъ окончаніемъ, выпилъ большую рюмку травнику, и принялся ѣсть. Аглаевъ завязалъ свои 180 т. въ платокъ, положилъ драгоцѣнную связку подлѣ себя, и также придвинулся къ завтраку. Между тѣмъ Фрипоненковъ продолжалъ ѣсть и разговаривать, рассказывалъ о многихъ подвигахъ своихъ, о томъ, какія тяжбы дѣла и какимъ образомъ онъ выигралъ. Подали Шампанскаго, онъ вновь поздравлялъ, и заставилъ соперниковъ поцѣловаться между собою. Часа два продолжалась эта комедія; наконецъ Лукавина, посмотрѣвъ на часы, дала знакъ Фрипоненкову, что пора кончить. Аглаевъ не замѣтилъ этого знака.

Вмѣстѣ съ Фрипоненковымъ вышелъ онъ изъ комнаты, и на крыльцѣ расцѣловалъ и вновь благодарилъ мошенника, за успѣшное окончаніе дѣла. Съ драгоцѣнною ношею своею спѣшилъ онъ домой, тотчасъ отправился въ свою комнату, заперъ деньги въ дорожный портфель, который положилъ въ шкафъ, и также заперъ; потомъ взялъ оба ключа съ собою, и, приказавъ камердинеру своему ни куда не отлучаться, спѣшилъ къ Радушину сообщить ему свою радость; но не засталъ его дома. Между тѣмъ время шло. Аглаевъ поѣхалъ обѣдать въ трактиръ. Вечеромъ встрѣтился онъ въ театрѣ съ Змѣйкинымъ, который бросился къ нему съ распростертыми объятіями; но Аглаевъ холодно поклонился ему и обѣщалъ завтра заплатить свой долгъ. На другой день утромъ, еще прежде нежели Аристофановъ проснулся, отправился Аглаевъ къ Радушину.

"Поздравляю съ хорошимъ извѣстіемъ" – сказалъ ему Радушинъ. "Вы кстати пріѣхали; я хотѣлъ было посылать къ вамъ, съ запискою, полученною мною вчера вечеромъ по вашему дѣлу." – Радушинъ подалъ ему записку слѣдующаго содержанія.

"По желанію вашему, почтеннѣйшій Ѳома Михайловичъ, я велѣлъ справиться о дѣлѣ по духовной покойнаго Аглаева, въ пользу Лукавиной. Духовная сія была представлена къ намъ, но мы ее не утвердили, имѣя многія причины предполагать, что она подложная. Определено:

вызвать настоящихъ наслѣдниковъ. Заемныя письма, представленныя Лукавиною, кажутся также сомнительными. Теперь дѣло остановилось, до тѣхъ поръ, пока явятся законные наслѣдники, которыхъ мы вызываемъ чрезъ Вѣдомости, обыкновеннымъ порядкомъ. Лукавиной-же велѣно выѣхать изъ дома, который поступить, впредь до окончанія дѣла, подъ присмотръ Полиціи. Съ отличнымъ почтеніемъ, и проч. "

Какъ громомъ пораженъ былъ Аглаевъ, прочитавъ записку. "Ахъ, Боже мой! какъ безсовѣстно, какъ нагло я обмануть!" вскричалъ онъ въ отчаяніи. "До какой степени успѣлъ воспользоваться моею глупостію и неопытностію этотъ мошенникъ!" – Какъ? Что это значить? – спросилъ съ удивленіемъ Радушинъ. Аглаевъ разсказалъ ему все случившееся съ нимъ наканунѣ. – "Плохо, очень плохо, любезный Петръ Ѳедоровичъ! Какъ это вы были такъ легковѣрны и неосторожны! Однакожъ, не надобно медлить; не лѣзя-ли еще какъ нибудь поправить? – Скорѣе запрягать мнѣ карету!" сказалъ онъ своему камердинеру. "Поѣдьте вмѣстѣ къ судѣ, отъ котораго я получилъ записку." Пока запрягали карету, Радушинъ еще разспросилъ о всѣхъ подробностяхъ. "Послѣ того, что я отъ васъ слышалъ," продолжалъ онъ – "врядъ-ли мы успѣемъ что нибудь сдѣлать. Плутство преднамѣренное, и, какъ видно, хорошо ими обдуманное! Отъ того-то они такъ и спѣшили, и вѣрно еще вчера успѣли все окончить. Но, посмотримъ, испытася, не найдутся-ли какія нибудь средства!"

По приѣздѣ въ Судъ, Радушинъ велѣлъ доложить о себѣ, и ихъ тотчасъ впусти-ли въ Судейскую. Судья, писавшій записку къ Радушину, выслушавъ все происшествіе, покачалъ головою, позвонилъ въ колокольчикъ, и велѣлъ позвать къ себѣ Секретаря Гладкобралова. "У васъ дѣло по духовной Аглаева, въ пользу Лукавиной?" – У меня-съ; но оно совсѣмъ рѣшено. – "Какъ, рѣшено? Не можетъ быть! Вашъ Повытчикъ третьяго дня сдѣлалъ справку, и отвѣчалъ мнѣ, что вызываются законные наслѣдники, и за тѣмъ дѣло остановилось" – Точно такъ-съ; но единственный и законный наслѣдникъ, родной племянникъ покойнаго, присланною по почтѣ въ судъ бумагою, подтвердилъ, что дѣйствительно духовная подписана собственною рукою покойнаго; что ему извѣстно было объ этомъ еще при жизни дяди; что предъявленные отъ Лукавиной заемныя письма справедливы, потому, что покойный дядя въ присутствіи его получалъ деньги, и при немъ выдалъ эти заемныя акты; словомъ: что онъ въ полной мѣрѣ утверждаетъ, за себя и за наслѣдниковъ своихъ, принадлежность все-го движимаго и недвижимаго имѣнія, оставшагося послѣ покойнаго его дяди, за теткою своею Г-жею Лукавиною, отъ которой получилъ онъ, съ совершенною признательностію, 200 т. ассигнаціями, въ подарокъ, а не за уступку имѣнія, законную принадлежность котораго тетки своей Лукавиной онъ еще подтвердилъ, присовокупляя притомъ, что онъ точно единственный наслѣдникъ; ежели-же, сверхъ чаянія, явится кто либо другой, то онъ, Аглаевъ, обязывается таковаго удовлетворить изъ своей собственности. А какъ собственное сознаніе паче свидѣтельства всего свѣта, по силѣ Воинскихъ процессовъ, 2-й части, 2-й главы, 1-го пункта, и на основаніи Указа 1709 года, Апрѣля 9, то и не нужно было дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ справокъ. Духовная и заемныя письма утверждены, и дѣло признано зарѣшеннымъ.

"Какая у васъ память! Какъ кстати приведены законы, и какая поспѣшность и дѣятельность въ исполненіи! Но вы напрасно думаете столь легко отдѣлаться. Кто помѣтилъ просьбу и далъ резолюцію?" – Г-нъ Засѣдатель, Аѳанасій Ива новичъ Дурындинъ. – "Какъ, Г-нъ Дурындинъ? отъ васъ я этого не ожидалъ!" – Я не помню-съ – не можетъ быть.... я не подписывалъ – отвѣчалъ Засѣдатель. – "Принесите просьбу и все дѣло подайте." Дѣло тотчасъ принесли. Задними числами все начисто было отдѣлано. Просьба Аглаева значилась въ полученіи съ почты; резолюція, начерно написанная рукою Секретаря, которую списывалъ Дурындинъ, найдена была между бумагами. Журналъ и исполненіе сдѣланы были тѣми днями, когда судья, за болѣзнію, не присутствовалъ. Все такъ хорошо и такъ гладко было устроено, что рѣшительно ни къ чему нельзя было придраться! Судья долго читалъ, разсматривалъ, пожималъ плечами, и, какъ видно было, внутренно бѣсился, что столь явнаго мошенничества ничѣмъ изобличить

было невозможно. Имя Фрипоненкова нигдѣ не упоминалось; вся форма, также сроки для резолюціи, составленія журнала и выдачи копіи съ производства дѣла – все было соблюдено. Съ негодованіемъ отбросилъ отъ себя судья всѣ бумаги. "Но какимъ-же образомъ Повытчикъ, не далѣе, какъ третьяго дня, справлялся, и сказалъ мнѣ, что дѣло еще не рѣшено?" – сказала Судья обращаясь къ Секретарю. – Не знаю-съ; видно онъ ошибся. – "Ошибся, ошибся!" повторилъ Судья съ сердцемъ. "Но я, безъ всякой ошибки, объявляю вамъ, что вы здѣсь болѣе не служите; завтрашній же день извольте подать просьбу объ отставкѣ." – Помилуйте-съ! Да чѣмъ же я виноватъ? – "Чѣмъ виноватъ?" вскричалъ Судья, вскочивъ въ запальчивости съ кресель. – "Какая наглость! Вонъ отсюда мер..." – Но одумавшись и не докончивъ слова: *мерзавецъ*, онъ сѣлъ въ кресла и продолжалъ, съ возможнымъ хладнокровіемъ; «Извольте выйти вонъ отсюда, и непременно, не далѣе, какъ завтрашній день, подайте въ отставку.» Секретарь поклонился и вышелъ. «А вы, Г-нъ Дурындинъ, не стыдно-ли вамъ?» продолжалъ Судья, обращаясь къ Засѣдателю. «Но что съ вами слова понапрасну терять! Сколько разъ говорилъ я вамъ: не подписывайте ничего безъ меня. Вы, можетъ быть, попадете теперь въ бѣду, но сами будете виноваты, а я такого наглаго плутовства не оставляю.» Судья опять, съ величайшимъ вниманіемъ, началъ перебирать и читать дѣло. «Вотъ совершенное несчастье,» сказалъ онъ, со вздохомъ, Радушину – «видѣть явное мошенничество, и не имѣть возможности изобличить. Однакожъ, позвольте, позвольте! Вы говорите, что вчера подписали эту бумагу – продолжалъ судья, обращаясь къ Аглаеву; но какъ-же тутъ, заднимъ числомъ, и какъ будто изъ уѣзднаго вашего города, прислано по почтѣ?» – Я не знаю, что я подписывалъ – отвѣчалъ Аглаевъ. – Къ стыду моему, признаться долженъ, что я былъ завлеченъ этимъ бездѣльникомъ Фрипоненковымъ, и все подписалъ не читавши. – "Однакожъ, вы *вчера* подписали?" – Точно вчера. – «При комъ?» – Никого больше не было, кромѣ тетюшки моей Лукавиной, Фрипоненкова и еще какого-то повѣреннаго ея, котораго я въ первый разъ сроду видѣлъ, не знаю, какъ зовутъ, и теперь, я думаю, даже въ лицо не узнаю. – «Точно больше никого не было?» – Точно. – «Стало быть это ни къ чему не послужить: они отопрутся! Однакожъ, въ уѣздномъ городѣ вашемъ вы никакой бумаги не подписывали и на почтѣ не посылали?» – Нѣтъ, не подписывалъ и не посылалъ – отвѣчалъ Аглаевъ. – «Вотъ теперь есть возможность изобличить мошенниковъ» – сказалъ Судья съ радостнымъ видомъ. – «Я сей часъ велю написать справку въ Уѣздную почтовую контору: была-ли отъ васъ послана сюда просьба? Попались молодцы! Теперь все можетъ открыться; авось они сойдутся въ допросахъ. Это такое необыкновенное происшествіе, что я долженъ довести до свѣдѣнія высшаго начальства, и вѣрно тотчасъ будетъ сдѣлано слѣдствіе.» Судья торжествовалъ, и велѣлъ позвать къ себѣ Повытчика Правдина, которому хотѣлъ приказать немедленно написать донесеніе. – Ахъ, Боже мой! я вспомнилъ – сказалъ Аглаевъ – точно, въ проѣздъ мой, я подписалъ и послалъ изъ нашего уѣзднаго города, по почтѣ, просьбу сюда, присланную ко мнѣ Фрипоненковымъ, о томъ, что я единственный законный наслѣдникъ; просьба эта была не большая, въ нѣсколькихъ строкахъ! – Судья опять бросился перебирать все дѣло, нѣсколько разъ перевертывалъ листы, и не нашелъ этой бумаги. – «Какое адское злоумышленіе, и какая осторожность!» вскричалъ онъ. – "Во всемъ дѣлѣ одна только просьба отъ васъ, и та какъ будто написана и послана изъ вашего уѣзднаго города. Какъ все придумано! нѣтъ никакой возможности ни къ чему придаться! – продолжалъ Судья, съ горестью, кинувъ дѣло на столъ.

"Что дѣлать, любезный Павелъ Ивановичъ?" сказалъ Радушинъ Судѣ, вставая со стула и пожимая ему руку. – "Мы видѣли всю твою благонамѣренность и добрую волю. Какъ быть! Не въ первый и не въ послѣдній разъ торжествуютъ мошенники! Но со всею достовѣрностію предсказать можно, что это не пойдетъ имъ въпрокъ." – Онъ еще пожалъ руку Судѣ, и, вмѣстѣ съ Аглаевымъ, вышелъ изъ судейской.

"Поѣдемте съ горя обѣдать ко мнѣ, любезный Петръ Ѳедоровичъ" – продолжалъ Радушинъ, садясь съ нимъ въ карету. – "Вы получили тяжелый урокъ; впередъ будете осторожнѣе, и жаль только, что слишкомъ дорого платите вы за этотъ урокъ! Очень досадно, что вчера не за-

стали вы меня дома; напрасно и вечеромъ не заѣхали; я думаю, еще можно-бъ было тогда предупредить мошенничество. У меня были кое-кто. Нарочно спросилъ я, не извѣстенъ-ли кому нибудь изъ гостей этотъ Фрипоненковъ. Мнѣ рассказали многіе опыты его утонченнаго плутовства. Напримеръ: онъ служилъ гдѣ-то по контрольной части. Одинъ какой-то молодецъ до такой степени безсовѣстно и нагло воровалъ, что не было уже никакой возможности оправдать его; но Фрипоненковъ, къ которому отчеты его поступили на ревизію, взялся, за нѣсколько тысячъ рублей, помочь негодяю и избавить его отъ бѣды. Что-жъ онъ выдумалъ и какія средства употребилъ? Это такая хитрость, которая только одному Асмодею, другу его, могла-бы войти въ голову. Онъ растопилъ сала, намазалъ листы по всѣмъ отчетамъ, документамъ и справкамъ, положилъ все дѣло, подъ предлогомъ, что не достаетъ еще какихъ-то справокъ, въ архивъ, а самъ сказался на нѣкоторое время больнымъ. Въ продолженіе этого времени, крысы, которыхъ въ архивѣ было великое множество, такъ *сосчитали* и отработали все дѣло, что не было никакой возможности ничего разобрать. По *выздоровленіи*, Фрипоненковъ представилъ о такомъ *казусномъ несчастіи* своему начальнику. Злоумышленность была очевидна; происшествіе это надѣлало много шума; но кончилось тѣмъ, что воръ избавился отъ взысканія, а Фрипоненковъ, хотя былъ отставленъ и преданъ суду за невниманіе и упущеніе по должности, но въ послѣдствіе времени былъ прощенъ по милостивому Манифесту. Послѣ того совершилъ онъ много тому подобныхъ подвиговъ, а чтобы войти въ милость и довѣренность къ покойному вашему дядюшкѣ, поднялся на чудесную штуку. Покойникъ, не тѣмъ будь помянутъ, весьма жаловалъ деньги, и отдавалъ ихъ въ займы за самые Еврейскіе проценты, т. е. до 25, и никакъ не менѣе 15 процентовъ, и то еще съ залогомъ. Одного изъ своихъ должниковъ какъ-то онъ уже слишкомъ притѣснилъ и вывелъ изъ всякаго терпѣнія; тотъ рѣшился непременно отомстить и обнаружить безсовѣстнаго его дѣла. Объ этомъ сообщилъ онъ старому знакомому и пріятелю своему Фрипоненкову, который уже давно искалъ средства втереться въ довѣренность старика и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы предупредить его и доставить ему возможность погубить своего соперника. Въ слѣдствіе напередъ обдуманнаго плана, Фрипоненковъ научилъ своего стараго *знакомаго и пріятеля* написать къ вашему дядюшкѣ письмо о крайней необходимости въ деньгахъ и просить увѣдомленія его о томъ, какіе онъ возьметъ проценты. А старичку, дядюшкѣ вашему, совѣтовалъ отвѣчать, что онъ готовъ ссудить его; что-жъ касается до процентовъ, то ему извѣстно, что онъ беретъ по шести; но слово: *шесть*, велѣлъ онъ ему въ письмѣ выскоблить и вмѣсто того написать, по выскобленному: *двадцать*; однакожъ такъ, чтобы подскобленное слово: *шесть*, при внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи, можно было разобрать. Соперникъ, получивъ этотъ отвѣтъ, и бывъ ослѣпленъ чувствами мщенія и злобы противъ вашего дяди, не сообразилъ, не обдумалъ ничего, тотчасъ послалъ за Фрипоненковымъ, который поспѣшилъ написать ему формальную просьбу въ судъ, съ приложеніемъ въ подлинникъ письма, въ доказательство противозаконныхъ процентовъ.

Молодецъ торжествовалъ, вездѣ говорилъ, что наконецъ попался безсовѣстный ростовщикъ Аглаевъ; но вскорѣ открылся совсѣмъ другой оборотъ. Дядя вашъ былъ призванъ къ суду; не отвергалъ, что письмо его руки, но просилъ обратить вниманіе на то, что имъ было написано: *шесть*, что это слово выскоблено, и подъ его руку, фальшиво, помѣщено *двадцать*. Онъ самъ послѣ того подалъ просьбу, обвиняя соперника своего въ злоумышленности. Изъ этого возникло весьма важное дѣло, и *пріятель* Фрипоненкова, прежде торжествовавшій, очень былъ радъ, когда вашъ дядя согласился, за значительную сумму, помириться съ нимъ и прекратить дѣло. Съ тѣхъ поръ пользовался Фрипоненковъ полною довѣренностію вашего дяди. Вѣроятно, онъ впустилъ Лукавину въ домъ къ старику, научилъ ее, какъ дѣйствовать, и съ нею заодно окончилъ наглымъ мошенничествомъ противъ васъ. Но что дѣлать, любезный Петръ Ѳедоровичъ! Еще слава Богу, что такъ великодушно поступили они съ вами, и вмѣсто трехъ тысячъ душъ и милліона денегъ дали вамъ хоть 180 тысячъ. И то хорошо, по крайней мѣрѣ, что не совсѣмъ васъ ограбили. Поправить дѣла вашего ничѣмъ невозможно, и я не совѣтую вамъ даже

входить въ состязаніе съ такими *отважными, искусными и опытными ратоборцами*. Il faut partir du point, où l'on est (надобно начинать съ той точки, гдѣ мы находимся). Что намѣрены вы предпринять теперь съ вашимъ капиталомъ?"

"Я думаю пуститься въ обороты," отвѣчалъ Аглаевъ. "Деревни теперь дешевы. Со 180 т. наличныхъ можно купить имѣніе тысячъ въ четырехста; заплатить часть, а остальныя въ долгъ; потомъ сдѣлать какое нибудь заведеніе, и долгъ уплатить доходами."

— Все это хорошо — сказалъ Радушинъ — только, вотъ что страшно: если покупать имѣніе въ долгъ и надѣяться уплатить изъ доходовъ съ заведеній, которыя также устроены будутъ на заемныя деньги, то надобно имѣть неусыпное вниманіе и дѣятельность, а къ этому мы Всероссійскіе Дворяне, весьма неспособны. Послушайтесь лучше моего совѣта. Разумѣется, что нѣтъ правила безъ исключенія; но вообще, мнѣ кажется, съ нашими дворянскими склонностями и привычками, не надобно пускаться въ обороты на заемныя деньги. Повѣрьте, что въ наше время тѣ только Дворяне богатѣютъ и живутъ спокойно, которые ничего не должны и умѣютъ такъ расположиться, чтобы не проживать больше получаемаго ими дохода — а это весьма большая рѣдкость. Примите мой дружескій совѣтъ: расплатитесь со всѣми долгами, выкупите ваше имѣніе, ежели оно въ залогъ въ казнѣ, а на остальныя за тѣмъ деньги купите деревню съ аукціоннаго торга. Теперь такъ много продается дворянскихъ имѣній за долги, и такъ иногда дешево можно купить, что это точно самое лучшее средство употребить съ пользою вашъ капиталъ.

Аглаевъ согласился въ справедливости сужденія Радушина, благодарилъ его, и рѣшился послѣдовать его совѣту. Онъ отыскалъ всѣхъ, кому былъ долженъ въ Москвѣ, со всѣми расплатился, выкупилъ изъ залога деревню и отправилъ на первой-же почтѣ 20 т. къ женѣ своей, для удовлетворенія тамошнихъ кредиторовъ. Послѣ всего этого, еще осталось у него слишкомъ 100 т., которыя вознамѣрился онъ употребить на покупку имѣнія. Гораздо-бы лучше онъ сдѣлалъ, если-бы уѣхалъ съ остальными деньгами изъ Москвы. Капиталь сей возбудилъ противъ него мошенниковъ всякаго рода, и онъ сдѣлался жертвою безхарактерности своей.

Глава IV

On commence par dire dupe et on finit par devenir fripon.

Обманутый часто оканчивает темъ, что самъ дѣлается обманщикомъ.

Въ ожиданіи сроковъ продажи съ аукціона одного имѣнія, которое Аглаевъ имѣлъ въ виду, остался онъ въ Москвѣ, и продолжалъ ежедневно посѣщать Радушину.

Но дядюшка Аристофановъ надоѣдалъ ему частыми напоминаніями, что онъ ведетъ какой-то странный образъ жизни, и привязался къ извѣстному въ Москвѣ *дураку* и *оригиналу* Радушину, а всѣхъ прочихъ своихъ знакомыхъ оставилъ. Въ *угодность* будто-бы этому дядѣ сталъ Аглаевъ иногда ѣздить въ Англійскій Клубъ; но это было пустое извиненіе: просто, страсть къ игрѣ влекла его туда, и онъ не имѣлъ душевной силы преодолѣть себя. Между тѣмъ Радушинъ уѣхалъ въ деревню, и тутъ ничто уже не останавливало Аглаева. Съ Змѣйкинымъ, и наперсникомъ его Вампировымъ, былъ онъ сначала очень холоденъ, и, не смотря на неоднократныя приглашенія ихъ, совсѣмъ не ѣздилъ къ нимъ; но при частыхъ свиданіяхъ въ Клубѣ пріязнь между ними постепенно возобновлялась. Аглаевъ началъ играть съ ними въ вистъ по маленькой, и довольно счастливо. Впрочемъ, Аглаевъ самъ былъ увѣренъ, и другіе утверждали, что онъ отличный мастеръ во всѣ коммерческія игры.

Въ Клубѣ встрѣтился онъ, между прочимъ, съ Филипомъ Ивановичемъ Удушьевымъ, который славился прежде удалствомъ своимъ и *молодечествомъ*, т. е. пивалъ мертвую чашу, игралъ навѣрное въ карты, извѣстенъ былъ своимъ буянствомъ, имѣлъ множество дуэлей, готовъ былъ сдѣлать всякому дерзость и оскорбленіе, сидѣлъ нѣсколько разъ въ крѣпости, былъ сосланъ въ дальній гарнизонъ, словомъ – имѣлъ всѣ качества удалаго Гвардейскаго Сержанта прошедшаго столѣтія. Аглаевъ, въ молодости своей, много слыхалъ объ Удушьевѣ: онъ былъ нѣкогда героемъ молодыхъ людей, и прежде повсюду рассказывали его подвиги, когда кому, и какую именно оказалъ онъ дерзость, кого прибилъ, кому наговорилъ грубостей, что въ старое время называли остроуміемъ и чему многіе старались тогда подражать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.